

Журнал Пионер

№7 за 1989 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №7 за 1989 год / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44193-3

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года и был посвящён В. И. Ленину. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44193-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

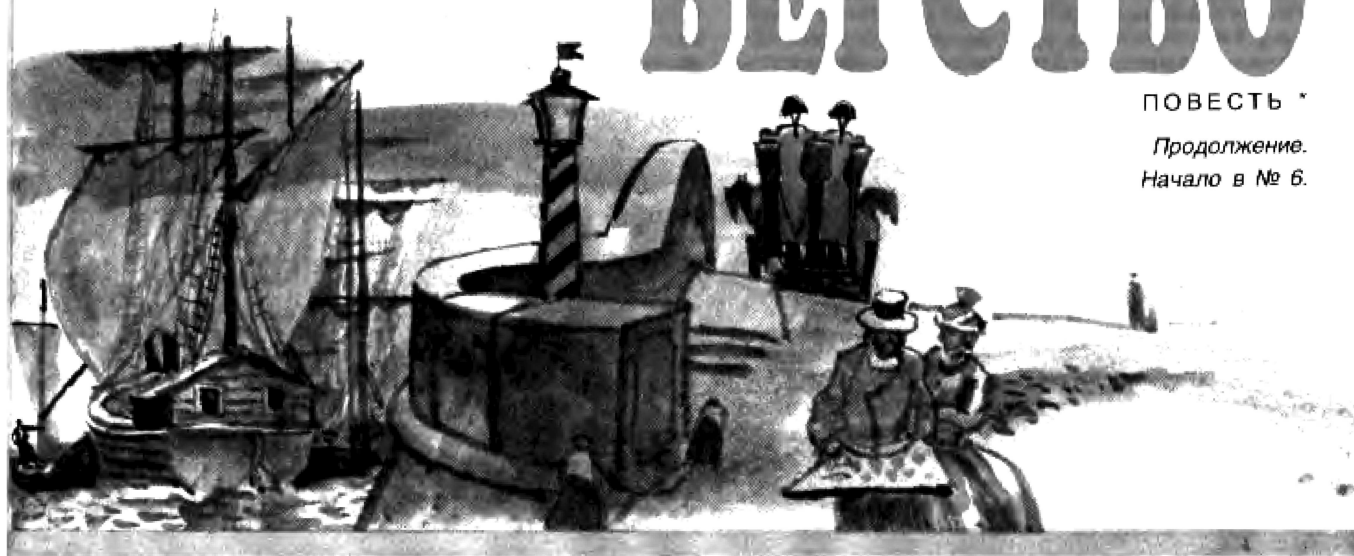
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БЕГСТВО

ПОВЕСТЬ *

Продолжение.

Начало в № 6.

Граф Иван Иванович Шувалов встречается в книжной лавке Санкт-Петербурга тверского крестьянина Ивана Свешникова, который покупает книги древнеримских авторов. Шувалов приглашает Свешникова к себе в дом. Иван оказывается очень образованным человеком, знающим несколько языков. Образование ему помогли получить священник отец Николай, у которого Иван в детстве был в услужении, и Григорий Хвильянский — учитель сына местного барина. Граф Шувалов видит в Свешникове нового Ломоносова и предлагает Ивану стать личным секретарем. Свешникова вводят в высший свет. Однако его роль — роль очередной модной диковинки для развлечения скучающих вельмож. Шувалов предлагает Ивану написать, по примеру Ломоносова, поэтическое переложение библейских текстов. Свешников создает такое стихотворение. Оно отличается вольнодумством, направленным против церкви. Экземпляр стихотворения Иван дарит своей подруге — швее Лизетте, которая тоже живет при доме Шувалова. Граф распространяет стихи Ивана по Петербургу, скрывая авторство Свешникова. Шувалов понимает, что быть автором таких стихов крайне опасно.

2

«Как-то все очень скоро и внезапно у меня, — думал Свешников, прохаживаясь по гладкому паркету большой светлой комнаты, сплошь увешанной картинами, — как-то вдруг и сразу...» Несколько месяцев: Петербург, Шувалов, библиотека, Дашкова, начатая книга, письма Вольтера, стихи... и Лизетта, да, Лизетта... Она не хочет выходить замуж за него. Конечно, доля невеселая — быть мужичьей женой, но когда он с горечью сказал ей это, она рассердилась и отчетливым своим голосом объявила, что ей все едино, какого он сословия. «Ну, так что ж, Лизонька?» «Не могу». И сказала-то очень тоскливо, будто в себе не вольна. А может, и впрямь не в своей воле? Ох, непонятно...

Свешников остановился у картины, изображавшей карету, накренившуюся над пропастью. Ее удерживал от падения гайдук в ливрее. Картина была сработана добросовестно, каждая малость выписана старательно — на заказ. Это шуваловская карета, и гайдук шуваловский — тот самый костистый старик, что с Бернаром, камердинером, в пикет играет. А вот и самого хозяина лицо, на разный манер повторенное многими полотнами: гордый поворот головы на портрете Де Веллы, богатый кафтан с меховой опушкой; внимательный и немного напряженный, глядит Шувалов с лосенковского портрета — белое лицо от темного

фона сейчас вот отделится; Шибанов, Рокотов, Эриксен — все они, кто за страх, а кто и за совесть, изобразили Шувалова, для потомства увековечили. Ха, мысль еретическая: ну, как не его, а себя прославили, и лет эдак через двести — триста скажут люди: а это, мол, портрет, знаменитым Лосенкой сделанный. А изображен на нем (и в памятную книжицу заглянут), изображен Шувалов, был-де такой знатный дворянин, богат был, ну, да не в нем дело... А вот Рокотов. Гляньте, скажут, сколь велико сублинное очарование картин его...

Свешников отвернулся от картин и подошел к зеркалу, сам себе посмотрел в глаза: хорошо знакомое, худощавое, узкоглазое лицо — ну, а его-то сберегут от времени? Заслужи-ка, братец, потрудишься, ты славы на деньги не купишь, родовитостью не удержишь. А хочется славы? Ого!

— Иван Евстратыч!

Тьфу, напасть! Всегда его застанут как-нибудь неловко. Вот и сейчас, как девка в барыниной спальне, перед зеркалом вертелся...

— Иван Евстратыч, я-то ищущу, одевайтесь скорее, карета ждет, — торопливо говорил, подходя к нему, Людоговский.

— А куда?

— К светлейшему! Ну, быстрее, ждут же!

— К какому светлейшему? — не понял Свешников.

— Господи, да к Потемкину же, — увлекая за собой Свешникова, частил Людоговский. — До князя слух о вас дошел, велел приехать немедленно. Ну же! Я вас и отвезу.

* Журнальный вариант.

В карете Людоговский немного успокоился и дружески пожимал руку, по плечу поглаживал, бог его знает, какое время пришло — мужики в честь входят.

Карета стала, дюжие лакеи откинули подножку, отворяют дверь. Какой-то просто одетый человек берет Свешникова за руку, ведет. «Господин Попов», — называет его Людоговский, но Попов кивнул равнодушно, Людоговский отстал. Попов вводит Свешникова в комнату, лавируя между людьми (сколько их! И пестрые какие!), подводит к низенькому дивану. На диване развалился огромный человек с черной повязкой через глаз, небритый.

— Это ты и есть? Скажи что-нибудь по-латыни, — говорит Потемкин. Под распахнувшимся халатом Свешникову видны волосатые и кривые ноги.

— Ты что, онемел? Говори.

— Музы молчат, когда говорит оружие, — неожиданно для себя выпаливает латинскую поговорку Свешников.

— А что это значит, братец?

Свешников перевел.

— Это что ж, ты муззз, а я оружие? — Потемкин ухмыльнулся. Он любил производить впечатление.

— Ваша светлость, — наклонился кто-то к уху Потемкина.

— А-а, вижу, француз пожаловал!

От дверей не торопясь приближался изящный кавалер, мужчина лет сорока, богато одетый, чуть обрюзгший, элегантный.

Потемкин встал и, дождавшись, пока гость подойдет поближе, заговорил:

— Прошу, милости прошу, ваше сиятельство, извините, я по-простецки. — Он хлопнул ладонью по тяжелому шелку халата, как бы невзначай распахнув его, придержал двумя пальцами, полюбавался голыми ногами и преувеличенно стыдливо запахнул. — А я вот с другом моим беседую. О латинском языке. А? Ну что же ты, братец, стоишь? Протяни руку его сиятельству, чай, такой же князь, как и я. Не обессудьте, князь, друг мой разборчив на знакомства.

Француз, вздернув брови, смотрел на Свешникова, потом вдруг улыбнулся очень любезно, протянул руку и сказал с сильным акцентом:

— Я был бы счастлив всех друзей князя иметь своими друзьями.

— Князь слишком добр ко мне, — по-французски ответил Свешников и покосился на Потемкина.

Потемкин наслаждался.

— Иван Евстратьевич Свешников, крестьянин. — И, взглянув на ошеломленное лицо иностранца, Иван добавил по-русски: — А у нас на Руси и мужиков чтят. Это вот его сиятельство подтвердить может.

Потемкин радостно захохотал:

— Ну, всех-то не чтят, а таких, как ты... Ну иди, Иван Свешников, к столу, там потеснятся, а мы тут с его сиятельством потолкуем.

Тот же Попов, который во все время этой сцены стоял с каменной физиономией, взял Свешникова за руку и повел в соседнюю комнату. По зале кругами, выплескиваясь за двери, расходилось:

— Светлейший заставил Де Латорю мужику руку подать...

— Не может быть!

— Да что за мужик-то?

— Шуваловский, говорят, ученый.

— Латор теперь тремя мылами мыться будет.

В соседнем зале сидящим за столом гостям предлагали кушанья кирасиры в красных колетах — так было принято у Потемкина. Гости уже, очевидно, изрядно подпили. Толстый старик стащил с головы кирасира черную меховую шапку с султаном и нахлобучил ее поверх парика. Раздался общий одобрительный смех. Толстяк подхватил под руку соседа и прошелся с ним по комнате, подражая попарному выходу прислуги.

— Стул, — коротко скомандовал Попов солдату.

Тот метнулся и подставил стул к столу.

— Садись, Иван Евстратьевич, ешь, пей, светлейший с тобой потом говорить будет. — Попов внушительно поглядел на притихших гостей, повернулся на каблуках и вышел.

Ветошкин

1

— Э, дражайший мой господин Ромм, я не имею ни малейшей охоты знакомиться с мужичьем, с русским ли, с немецким ли, — Де Латор поправил манжету, — или с любезной нашему сердцу французской сволочью. Мне нужен Потемкин, а не его вшивые друзья.

— Но ведь вы не станете отрицать, что это человек необыкновенно одаренный, я беседовал с ним — это настоящий ученый.

— Кто это ученый? О ком вы говорите, господа?

— О ком мы говорим? Да об этом новом приятеле Потемкина, как там его зовут: Светошкин, Ветошкин?

— Браво, князь! — Перепечин расплылся в улыбку и несколько раз соединил кончики пальцев, изображая аплодисменты. — Бесподобно! Ветошкин! Вы, сами того не думая, попали в точку: Ветошкин — от слова «ветошь» — тряпье, грязная рвань. Очень хорошо! Я непременно пущу это словцо!

— Вы несправедливы к Свешникову. — Ромм старательно выговорил фамилию. — Он заслуживает с нашей стороны всяческого уважения и поощрения... Если только он в этом нуждается...

— В чем, в поощрении?

— И в том, и в другом. — Ромм встал, поправил галстух и, слегка поклонившись, отошел.

Оставшиеся переглянулись, и Перепечин ворчливо сказал:

— Ваш соотечественник, князь, не очень-то вежлив.

— Дело не в этом: он может быть вежлив, если захочет, он, видите ли, симпатизирует простолюдинам и, на мой взгляд, чересчур. Он плохо кончит.

Словцо делатюровское, однако же, пошло в ход. «Ветошкин», — передергивали плечами завсегдатаи потемкинской гостиной, где Свешников в последние недели стал частым гостем. «Ветошкин», — пошеивался Лев Федорович Людоговский. «О, Ветошкин, — недоумевающе тянули дамы. — Да, да, он очень ученый».

Вот и сейчас, сидя за столом в диванной у Потемкина, Свешников спиной, да и нутром чувствовал иронические, а то и враждебные взгляды. В глаза смеяться не смели: известно стало, что светлейший предложил ему место при себе, а он — экой дурак дерзкой! — отказался, а там, бог весть, и согласится, и нужным человеком станет, и на поклон к нему, чего доброго, пойдешь — вот ведь как!

Как и многие важные персоны, он отмечал время своей жизни по событиям государственным. «Сельцо это я прикупил как раз после злодея», — говаривал он, и всем было ясно, что речь идет о Пугачевском бунте. «Дом-от когда поставлен? А как с офицериком этим дерзновенным порешили, так и строиться начали». — И любопытствующий понимал, что дом выстроен после дела о заговоре Мировича. Кстати сказать, неспроста покупка имений и постройка собственных домов совпадала с окончанием дел о государственных преступниках: за дело Мировича он получил чин надворного советника, после Пугачевского стал статским, а закончив следствие о пасквилях и карикатурах на государыню, удостоился чина действительного статского советника!

Голос у него был тихий да ласковый, держал он себя скромненько, но гордость переполняла его сердце, и наедине с собой он распрямлял свою тщедушную фигурку, вздергивал надменно подбородок: нет, не острым словом, впору сказанным, не зычной глоткой да широкими плечами — умом, умом и трудолюбием сделал он свою карьеру! От ничтожного архивариуса до первой в своем роде персоны в государстве пройден путь, и никому, токмо себе самому обязан он высоким положением. Есть, есть чем гордиться! Что, люди вздрагива-

ют при его имени? Пусть вздрагивают, значит, совесть нечиста, значит, злоумышляют против государыни, значит, богопротивные дела в голове! Что, «кнutoбойцем» вельможи в глаза называют? Называйте, называйте, голубчики, тешьте душеньку! Бывало, что вчера иной гордец бровью в его, «кнutoбойцы», сторону не поведет, а нынче — глядь и стоит перед «кнutoбойцей», осенним листком дрожит и рад бы господином Шешковским называть, Степаном Ивановичем, да нет, шалишь! «Извольте, сударь, меня по чину-званию именовать!»

Он прошелся по комнате — сухонький, бодрый, в сером застегнутом наглухо сюртучке, остановился у окна.

— Мушник! — позвал он солдата.

Тот вошел. Это был доверенный служака, опытный, свой, не раз присутствовавший при допросах — сам Степан Иванович брезговал притрагиваться к арестантам, да и не по чину было.

— Слушай, Мушник, — сказал Степан Иванович, — слушай, голубчик, там, я чаю, народ вызванный дожидается, так зови их, голубчик, сюда, по одному зови.

Мушник вышел, Степан Иванович погладил себя по впалым щекам, побарабанил пальцами по стеклу — сыграл зорю.

— Так-то, судари мои, — сказал он негромко. — Степан Иванович Шешковский зовут меня, запомнить советую.

Дверь растворилась, и Мушник ввел посетителя.

— Здравствуйте, сударь.— Шешковский поклонился.— Простите великодушно, что беспокоил, если бы не крайняя нужда, не осмелился бы вас тревожить, отрывать от почтенных занятий. А что не сам к вам пришел — не сочтите за невежество, дел важных много, каждый час дорог, садитесь, прошу вас. А ты здесь постой,— сказал он солдату.

Тот стал у дверей.

— Ваши извинения, сударь, излишни,— ответил посетитель, садясь,— я за честь для себячитаю услужить вам, а в вашем лице — Отечеству.

Он привстал и поклонился, руки его, однако же, дрожали, и пот проступил на лбу.

Мушник стоял у дверей, стоял неподвижно, как подобает солдату. Сколько раз ему уже доводилось видеть это дрожание пальцев, эту испуганную вежливость у проходящих сюда; он досконально знал, с кем начальник будет просто ласков, с кем — подобострастен, а с кем — равнодушен, как деревянная чурка. Знал он и то, что Шешковский в какой-то момент непременно пригрозит, оскалится, зубы покажет — и стухнет собеседник; Мушник научился даже угадывать, когда начальник начнет пугать. Он стоял и слушал, и лицо у него было бесстрастное. Он слышал каждое слово, каждую фразу, но они не оставались в памяти, а протекали сквозь него, как вода. А иногда он как бы глож, вернее, речь-то он слышал, но она была для него бессмысленной, как будто не по-русски говорили.

— Пригласил вас с тем, чтобы покороче узнать вас. Пользуюсь слухами, что вы, сударь, примерного образа мыслей держитесь, к делам ревностны, Бога любите.

— Помилуйте, господин Шешковский, я, право, в смущении, столь лестные для меня слова...

Мушник глядел на них: они сидели не двигаясь и все-таки как бы кланялись — голосом кланялись.

— ...Служа при вельможе, известном своим великодушием и познаниями, вы избрали путь...

Мушник видел, что посетитель стал в чувство приходить: руки успокоил, на спинку стула откинулся.

— ...Однако же и у частного лица находясь, нельзя забывать о пользе Отечества, о блеске престола...

Степан Иванович почти мурлыкал. «То-то кот,— думал Мушник,— как медом мажет».

— ...Слава государыни нашей, да продлит господь всемогущий ее лета.— Шешковский истово перекрестился.— Слава благодетельницы нашей не всем отрадна: есть окаянцы, коим за радость матушку нашу очернить, и, увы, не токмо среди подлого народа таковые злодеи бывают...

«А мальчи-то не дурак — ишь, как шурится, понимает, к чему дело идет».

— Совершенно вас понимаю, господин Шешковский, и я не однажды слушал — с прискорбием, поверьте — речи сомнительного свойства, однако по натуре своей я человек к спорам и раздорам не склонный, да и чинов на мне таких нет, чтобы свое суждение оказывать.

— Сударь мой драгоценный! Да зачем вам свое суждение? И хорошо, что не спорите. Кто более других молчит, тот более других слышит. А это нам и надобно. А чины — дело наживное, нет чинов, как есть нет. Ан глядь, вот они! Поверьте старику:

нужно усердие оказать, доброхотное усердие, и чины будут, и все, что надо. Заслужить, сударь, надобно. За Богом молитва, за царем служба не пропадет.

— Помилуйте, господин Шешковский, я со своей стороны готов единственно из любви к Отечеству...

«Ну, вот и сладились.— Мушник смотрел поверх головы посетителя.— Сапог левый жмет, видно, с утра обулся неладно, а переобуться все недосуг было».

— ...О всех разговорах, даже если разговоры и не прямо воровские, а неуважение к власти оказывают,— все одно надлежит осведомить нас, ежели богохульственные речи против церкви святой — тоже сообщить. А может, и сейчас нечто подобное знаете?

«Сейчас он его прищипорит»,— подумал Мушник.

— Знаете, сударь, что доноительство — есть преступление для закона. Храни Бог, если вы умолите о чем-либо! Отвечайте: известно вам что-либо?

— Речи богохульственные? — переспросил посетитель.— Враз и не припомню, разве что,— продолжал он с запинкой,— не речи, а вирши.

— Какие вирши?

— Противуцерковного свойства.

3

Шувалов прислушался к голосам, доносившимся из кабинета. Секретари его, старый с новым, о чем-то спорят. Пойти отпустить их, что ли? Заслужили: архив и переписку в такую аккуратность привели, что смотреть приятно.

— Сударь мои,— сказал он, отворяя дверь в кабинет,— а ступайте-ка вы променад сделайте, а то, я гляжу, пожелтели оба от бумажной-то пыли...

Сумрачный и тихий весенний город встретил Людоговского и Свешникова мерцанием масляных плошек, влажной наготой торцов. Они шли неторопливо, с удовольствием вдыхая сырой воздух, перебрасываясь замечаниями без охоты, из приличия. Тихонько погромыхая, догнала их извозничья карета; даже в сумерках бросился в глаза яркий желтый цвет ее. Извозчик попридержал лошадь: авось наймут господина...

— Что это у тебя, братец, колесница цвета такового... веселого? — спросил Людоговский.

— А велено, барин, красить в желтый.

— Да ты заодно и себя б покрасил! Все приметней было б.

— А как же,— даже обрадовался извозчик,— а как же! И меня покрасили! Глянь-те-ка вот!

Парень выпрямился, и из-под складок балахона тем же личным блеском резанул глаза извозничий широкий кушак. Простоватое лицо извозчика светилось неподдельной гордостью.

Неприметным образом дошли до Летнего сада. Несколько лет назад страшная буря наклонила и покалечила деревья, и теперь они, как увечные воины, опирались на подставленные костыли и тускло мерцали вбитыми скобами. Людоговский и Свешников присели на скамью.

Они с полчаса сидели в саду, вежливо беседуя о стихотворстве, потом поднялись. Набережная была пустынной. Они шли, прислушиваясь к безмолвию, но вот в тишине раздался невнятный говор, из-за поворота вышли двое и пошли напере-

рез им. Людоговский тревожно глянул на Свешникова и, храбрясь, сказал:

— Ничего... их только двое...

И тотчас же, как бы им в ответ, кто-то негромко кашлянул им в затылок. Они обернулись. Позади поспешал крижистый пожилой человек в солдатской шинели. Он остановился и, переведя дух, сказал укоризненно:

— Чего ж это вы бегете и бегете? Насилу догнал.

— Чего тебе надо? — Людоговский шагнул к нему и с перепугу, должно быть, зачастил: — Чего тебе надо, чего тебе...

— А вот сейчас... растолкуем. — Человек успокоительно кивнул подбородком на подошедших двоих.

Свешников повернулся к ним, один был длинный, жилистый, с болтающимися руками, нескладный на вид, другой — кругленький, с плутоватым веселым лицом. «Дон Кихот и Санчо», — мелькнуло у Свешникова в голове. Санчо заговорщически подмигнул ему, а Дон Кихот равнодушно сказал:

— Ну, раздевайтесь...

Жаль было одежды, особенно нового кафтана. И рубашка, Лизонькина работа, тоже пропала.

Дома, куда их доставил вызванный будочником извозчик, Свешников перебрал в уме все подробности происшествия и вдруг сел в постели, чувствуя,

как страх черствой ладонью сжал его сердце: он вспомнил, что в кармане кафтана лежали переписанные набело противуцерковные стихи его.

Пес Ея величества

Зима кончалась, вдруг стала тяжелой и неудобной зимняя одежда, то и дело взвизгивали санные полозья по оголившемуся булыжнику, и на Крестовском, в хозяйстве графа Разумовского, густо и благодатно запахло навозом. Шла весна 1783 года.

Свешников потрогал пальцем набухшие оконные рамы и отошел от окна. Сел, потянулся так, что затрещал разохшийся стул, вытянул под столом ноги в нечищенных башмаках. Он устал. Прогулки по Петербургу — редкость, уж больше терпения не хватает сидеть с пером в руке да ворошить пыльные страницы. Всю зиму, усердно, упрямо, даже иступленно, он вчитывался в Плутарховы, топором рубленные истории, писал свою книгу. Чего он хотел и ждал от себя, от своего труда?

Скрипнула дверь, без стука вошла Лиза. Одернула постель, ладошками выровняла стопы бумаги на столе; укоризненно покачав головой, подня-

ла и повесила на умывальник упавшее полотенце. Мимоходом поцеловала, словно клонула, Свешникова в голову и благоправно — ручки на колени — уселась на стуле.

— Лизонька! — потянулся к ней Свешников.

Она засмеялась, покачала головой и сказала раздельно:

— Нель-зя. Работать надо. Пиши.

Он послушно взялся за перо, но продолжал смотреть на нее. Она улыбнулась ему нежно и устало, а когда перо медленно, повисая в воздухе, задвигалось по бумаге, встала и пошла к окну и, как Свешников минут десять назад, стала колупать влажное дерево рамы. Что же дальше? Господи, что же дальше? Вон он работает за спиной, Ваня, Ванечка, ничего не знает, а если узнает? Сколько можно таиться? Надо рассказать. А ведь он, прямой, честный, не простит, осудит. Но ведь она же ничего дурного не сделала! «Не успела сделать», — поправила она самое себя. «Нет, надо сказать», — решила она и дрогнувшим голосом позвала:

— Ваня!

— Ну что? — Свешников уже увлекся работой и не поднял головы. — погоди, Лизонька, я сейчас, мысль докончу.

— Хорошо, я подожду.

Лиза не отрываясь смотрела на склоненную голову Свешникова, ей было невмоготу.

— Ваня, не сердись, я рассказать хочу...

В дверь постучали. Лиза замолчала, прижала руку к груди. Свешников растерянно поглядел на нее и встал. Заслонив спиной распахнутую дверь, он слушал, что говорил ему Иоганн Штрumpf, немец, по пустякам работавший в шуваловском доме:

— Косподин Свешникоф, фас какой-то шелофок софет, он кофорит, надо schnell, бистро. — И, пропустив Свешникова, стал спускаться за ним, говоря ему в спину: — Один раз уше биль, в понедельник.

В понедельник Свешников был у Ивана Ивановича Панина, беседовал с ним. Его частенько-таки отрывали от дела, приглашали в дома. Не поехать нельзя, и сейчас, поди, зовут куда-нибудь.

Внизу, равнодушно разглядывая бронзовых гениев с факелами, Ивана дожидался незнакомый человек.

— Свешников Иван? — осведомился он.

— Да, сударь.

— Оденсья, нам с тобой пройтись нужно.

Было что-то в тоне его приказа такое, что предполагало повиновение.

Свешников оделся недоумевая. Когда они вышли на улицу, к ним подошел еще один, и первый, поотстав, что-то коротко буркнул подошедшему. У Свешникова вдруг пересекло дыхание от какого-то безотчетного страха. Он остановился.

— Я вас слушаю, сударь, — сказал он незнакомцу.

— Будешь слушать не меня, а Степана Ивановича Шешковского. Велено доставить тебя.

Дверь отворилась. Давешний провожатый велел Свешникову идти с ним, и через минуту Свешников очутился в просторном кабинете, убранном очень просто: стол, три-четыре кресла, большой шкаф, как видно, с бумагами, и бюро. Кроме двери, в которую вошел Свешников, была еще одна: она была за портьерой. Одновременно со скрипом двери портьера кольхнула, раздвинулась, и в комнату вошел шупленький человечек. Даже не глянув на Свешникова, он прошел к столу и уселся. Бережно отодвинул на край стола небольшое блю-

до с тремя просфорами и углубился в бумаги. Свешников глядел на него во все глаза, но Шешковский (это был он) писал не отрываясь. Так прошло минут пятнадцать, а Свешников все стоял. Было гадко и унижительно стоять так, дожидаясь; пока к нему обратятся, гадко и унижительно от чувства своей беспомощности и беззащитности. И вдруг Шешковский спросил:

— Тебе Петр Свешников кем доводится?

— Брат, сударь, — с запинкой ответил Свешников. Он не ожидал такого вопроса. С чего бы это Шешковскому Петрунькой интересоваться?

— Брат? Я по годам полагаю, что дядя. Ты, любезный, ври, да не завирайся. Ему, я чаю, годов пятьдесят будет аль поболее?

— Да что вы, сударь! Он брат мне, ему пятнадцатый год пошел, — обрадованно заговорил Свешников. Видно, что-то напутали, какого-то другого Петра Свешникова приплели.

— Значит, он тебе брат, — протянул Шешковский. — Так, так.

Он-то знал, что путаницы нет никакой.

Петр Свешников был матрос, грабивший с Ванькой Каином. Цепкая память Шешковского выдернула эту фамилию из дела тридцатилетней давности (тогда он был еще только протоколистом тайной канцелярии), и когда он натолкнулся на однофамильца, он сразу решил это совпадение использовать.

— Стало быть, брат, — повторил он и в упор глянул на Свешникова.

Тот улыбался от облегчения. Тогда Шешковский заговорил казенным голосом:

— Так вот, января семнадцатого дня сего года сей Петр Свешников, брат твой, как ты сам показал, — заметил он в скобках, — сосланный вечно на каторжную работу, из Рогервика бежал, а как из допроса его сотоварищей видно, что похвалялся он, будто в Тверской губернии кровных своих имеет, и как до сей поры сыскать его не удалось, то надлежит всех родичей его взять под стражу и допрашивать строго, доколь не признаются, где оно-го вора и каторжника спрятали. А посему, во исполнение этого, беру тебя, Свешников Иван, под стражу.

Он хлопнул в ладоши.

— Эй, Мушник!

Вошел солдат.

— Пришли солдат сюда, вот этого в крепость отвести, чтоб тотчас здесь были.

Солдат вышел.

Ошеломленный Свешников молчал, потом вдруг рванулся к столу и вскрикнул:

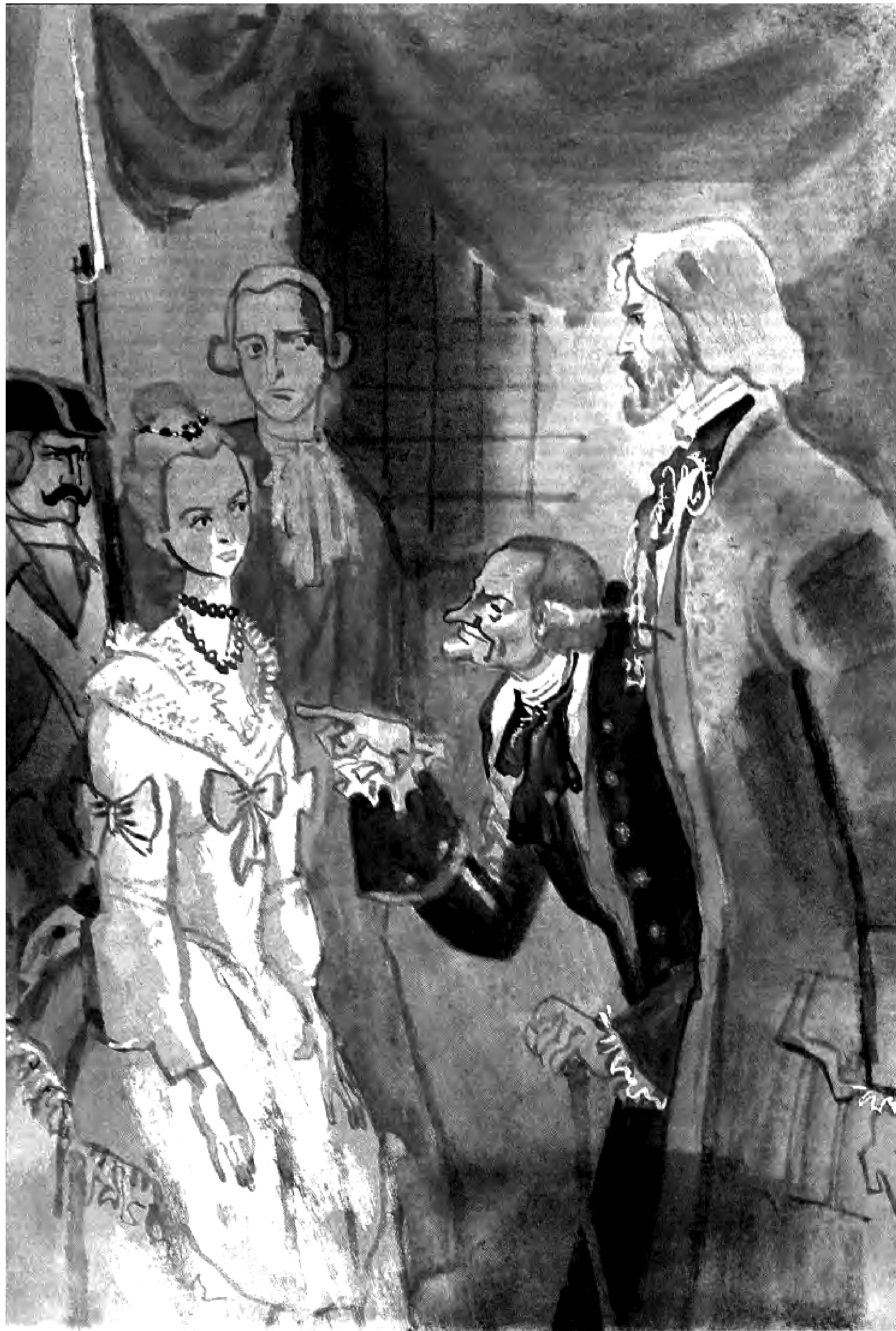
— Да что же это, сударь? Я же вам толкую, что брат мой малолеток, а вы сами говорите, что тому пятьдесят годов! Я ни в чем не виноват!

— Отойди от стола, — негромко скомандовал Шешковский, — стань вон там. Вот посидишь под караулом неделю-другую, допросим тебя, по-другому запоешь. Ни в чем не виноват, говоришь? Ладно, разберем. Укрывательство государственного преступника — то твоя вина большая, а малые вины за тобой есть? Говори! В малых проступках повинимся — о большом подумаем. Отвечай открыто, покажи свое доброжелание, и участь твоя смягчится. — Он повернулся к бюро, достал оттуда лист бумаги. — Твое сочинительство? Подойди.

На край стола перед Свешниковым лег потертый на сгибах лист.

«Молитв вместилище явится»... «Отопрусь», — подумал он.

— Писано мной, а кто сочинял — не знаю.

Шешковский встал, обогнул стол и подошел вплотную к Свешникову.

— Не знаешь? Ах ты, тварь богомерзкая! А что, если я сейчас велю послать к тебе в комнату и обыскать? Не найдется ли черновых листочков? Ну? А что, если я сейчас велю — смотри на меня! — полюбовницу твою, Лизку, сюда привести и она на тебя покажет? Я ей начальник! Она у меня служит! — Шешковский пристально глядел в помертвевшее лицо Свешникова.

— Она у вас служит, — повторил он почти беззвучно.

— Да, у меня! Нам все про тебя ведомо, ну, звать ее?

Свешников молчал. Шешковский круто повернулся, подошел к запертой двери и, распахнув ее, крикнул: — Привести ее сюда!

В комнату вошли Мушник и Лизетта в сопровождении солдата. Свешников поднял голову и посмотрел на нее: у нее дрожал подбородок.

— Каковы твои обязанности? Говори, говори при нем! — сказал Шешковский.

Медленно, будто читая неразборчивое, Лиза заговорила:

— Моя обязанность есть доносить о всяких разговорах и беседах, какие случаются в домах, где я живу...

Она смотрела прямо в лицо Свешникову как зачарованная.

— Дальше.

— А ежели случится узнать, что было какое поношение, или злой умысел, или урон против державы или православной церкви, то должна я донести без промедления.

— Слыхал? — обратился Шешковский к Свешникову. — А ты запираешься. Бери перо, пиши: «Сие мною, Иваном Свешниковым, написано для унцурба православной церкви и...»

— Ваня! — вдруг отчаянно крикнула Лизетта. — Ваня, не пиши! Я ничего о тебе не доносила.

— Увести! — сказал Шешковский. — Держать под караулом.

Солдат схватил Лизетту за плечо и толкнул к двери. Лизетта попыталась вырваться, и некоторое время ее рука беспомощно белела на темно-зеленом сукне солдатского мундира.

— Стой на месте, в кандалы забью! — крикнул Шешковский Свешникову, который рванулся к борющимся.

Мушник схватил Свешникова за воротник, и когда Свешников, яростно крутанувшись, вырвался, Лизы в комнате уже не было. Мушник, поглядев на начальника, тоже вышел.

— Бунтуешь? — Шешковский закружился около Свешникова. — Бунтуешь, голубчик? — все еще тяжело дыша, повторил он и уселся за стол. — Лизку твою велю бить плетью до беспамятства, — с расстановкой сказал он. — За умолчание, а тебя на покаяние в монастырь сошлем — за богохульство. Ты ведь теперь у нас православный.

Не так давно Свешников, исполняя желание Шувалова, отказался от старообрядчества и принял «истинное православие». Ему было все равно. А вот теперь...

Шешковский ухмылялся, глядя на него. Он был доволен. Как только он получил стихи Свешникова, то почувствовал интересное дело. А когда он допросил пойманного со свешниковским кафтаном вора и увидел те же стихи, писанные свешниковскою рукой (о почерке Ивана он узнал заранее), то решил, что пришла пора побеседовать со стихотворцем. Даже если бы он и не знал точно, то все

равно по лицу Свешникова понятно было, что он и есть автор. Сцена с Лизой дала допросчику лишний козырь в руки. Если бы Свешников не был так взволнован (этого волнения и добивался Шешковский во время допроса, начиная с истории о якобы бежавшем матросе), то он бы заметил, что вызванных для него солдат все еще нет. Шешковский и не собирался сажать Свешникова под арест. Хотя Шувалов и не в чести, ссориться с ним не стоило, да и светлейший, слышно, этому «ученому мужику» патронирует. У Шешковского были другие планы...

— Видишь теперь, какова твоя участь? — произнес он сурово. — Уж и не придумаю, как тебя спасти, разве вот...

Он, как бы оценивая, оглядел допрашиваемого.

— Ты во многие дома вхож, со многими людьми знаком, слышал, что твой краля о должности своей говорила? Запомни: ежели будешь то же делать, все вины прощу, вирши твои богопротивные порву. А по усердию и награжу, ну?

Свешников, не отрываясь, смотрел на массивный медный подсвечник. Ударить этого мозглявого кровопийцу по голове — и конец, конец ему! Но тогда и всему конец: и учению, и книге — всему-всему. И Лизе... ее тоже захлестнула, запутала поганая паутинка. «Я ничего о тебе не доносила». А о других? Свешников вздрогнул. Шешковский перехватил его взгляд, устремленный на подсвечник, понял, но не отодвинулся, не подал виду.

— А коли не захочешь — знай: тебе крепость или монастырь, полюбовнице твоей — плети и ссылка. Решай, господин Ветошкин!

Свешников поднял на него глаза. Краем уха он уже слышал свое прозвище, но никто еще не называл его Ветошкиным в лицо. Он глухо произнес:

— Я подумаю и через Лизетту ответ передам.

«Крепок орешек», — удивился мысленно Шешковский, — еще не обещал ничего, а уже свободы для себя и для нее требует». Впрочем, он ничем не рискует: арестантом Свешников ему не нужен («на нем дела не сделаешь: велика важность — стишки»), а ежели согласится, то из него получится отменный работник — умный, ученый, к вельможам доступ имеет и среди простых людишек свой, и Шешковский разжал когти. Он сказал неторопливо:

— Ладно, будь по-твоему, погожу до субботы, обмануть, сбежать — лучше и не мысли, найду.

Он подошел к дверям, распахнул их и крикнул:

— Выпустить его!

Возвращение

1

Шувалов сидел, нахохлившись, и молчал. Все вокруг, казалось бы, соответствовало его привычкам и вкусам, все расположилось в том порядке, к которому он привык: тетрадь для записывания внезапных мыслей лежала перед ним открытая, легкое французское вино было наготове, рядом, на мозаичном столике, перо было очинено превосходно и не брызгало. И Людоговский, как охотничья собака, сделал стойку над чистым листом бумаги. А Шувалов никак не мог начать диктовку. Он знал: занятия его для слуг священные, ни камердинер, ни повар не зайдут к нему с каким-нибудь глупым вопросом. А швейцар, сновито откашлявшись, объяснит залетевшему не вовремя гостю или бес толковому просителю, что-де, мол, «его превосхо-

дительство сейчас занимаются, самое ихнее время; пожалуйста, мол, к шести часам»... И все-таки Шувалов молчал, придиричиво оглядывая комнату. Когда все осмотрел и не нашел никакого беспорядка, который мог бы послужить причиной ничегонеделания, он рассердился. Людоговский все сидел — как кукла восковая, о, господи, — сидел, изваявля всей фигурой полную готовность писать что угодно, сколько угодно и кому угодно.

— Лев Федорыч, — кротким голосом сказал наконец Шувалов, — поди, голубчик, к себе. От меня, видно, проку сегодня не будет. Стар стал, совсем обеспамятел. Все забыл, что хотел, поди, поди, друг мой. — Он часто задышал от гнева. — И скажи там, внизу, чтобы утихли. Они там сбесились, должно быть...

Снизу доносились еле слышные голоса прислуги, прибирающей залу...

Оставшись один, Шувалов швырнул перо на стол. Сегодня утром к нему явилась швея Лизетта и путано, сбивчиво рассказала, что она — соглядатай Шешковского. Когда, раздражившись, Иван Иванович спросил ее, почему она решила открыться, то девчонка заплакала и понесла какую-то околесицу про Свешникова, про стихи и про ссылку. Ничего не поняв и еще более сердясь, Шувалов велел ей уйти вон, успокоиться и ждать, пока не позовут.

Теперь он сидел один и хмуро размышлял.

Одно-то ясно: за ним следят. «Подозрительность в обычай вошла, — думал он, разглядывая ногти, — каждого, кто не глуп и не холуй, записывают в заговорщики, и никто не может быть спокоен: сегодня мирно живешь, трудишься на благо отечеству, а завтра, того и гляди, заберут без вины и выпшлют. Да хорошо, если просто выпшлют: вон, Бутурлину, фрейлину, на допросы таскали, а Кожину, даром, что генерал-майорша, и телесно наказали. И дело-то все было в каких-то дурацких пашквильях. Однако что она такое плела о Свешникове? Она-то каким боком причастна к этому делу? Надо разобраться», — решил он и дернул за шнурок.

— Пошли ко мне Свешникова, — сказал он вошедшему лакею.

«Да-с, Екатерина Алексеевна, — обратился он мысленно к царице, — видно, покойники по ночам снятся: а ведь немало их»...

Постучавшись, вошел Свешников.

— Что ты как быстро явился? — спросил Шувалов, вглядываясь в его пасмурное, осунувшееся лицо. — Или ждал, что позову?

— Нет, не ждал — сам собирался вас о разговоре просить.

— Ну, говори, чем ты Шешковскому не угодил. Свешников быстро вскинул голову:

— Иван Иванович, вы знаете?

— Покамест всего не знаю. А вот расскажешь, —

узнаю. Но сначала скажи, друг мой любезный, почему эта швея — Лизой ее зовут? — почему ей о твоих делах да о стихах больше, чем мне известно?

— Так это она вам сказала? — Свешников облегченно вздохнул.

Молодец все-таки Лиза: прежде него самое правильное сделала.

— Ты что ж не отвечаешь? Она у тебя секретарем, что ли?

— Иван Иванович, — смущенно заговорил Свешников, — я в надежде, что вы не осудите: полюбили мы друг друга.

— Ага, — Шувалов помолчал, — ну ладно, об этом потом. Рассказывай, что случилось.

Свешников начал рассказывать, дойдя до предложения Шешковского, внезапно замолчал. Перед ним встало лицо вчерашнего собеседника, его кривая ухмылочка, кофейного цвета зрачки оттянутых к вискам глаз, и Свешников содрогнулся от брезгливой ненависти, но сделал над собой усилие и закончил рассказ.

— Так, так, все? Успокойся, твоей вины тут нет. О стихах и о любви мы после побеседуем, — без улыбки, серьезно сказал Шувалов. — Значит, ты ему сказал, что подумаешь, стать ли тебе доносчиком? Ну что ж, сказал ты правильно: он человек гнусный и злобный, пожалуй, и в самом деле арестовал бы, ежели б ты сразу отказался. Вот что: ступай-ка соберись, поедешь к себе в деревню. Нынче же отправишься. А здесь, ежели кто от него явится, сам разберусь. Это что ж? — он вдруг распалился. — Мне не сказавшись, моих же служащих берут? — Он поднялся и начал быстро расхаживать по кабинету. — Вот-вот, так и сделаем: ты поедешь, а я уж здесь сам поговорю.

Свешников следил, как Шувалов грузно мечется от окон к дверям и обратно.

— Иван Иванович, а как же с Лизеттой?

Шувалов остановился.

— Так ты ее и впрямь любишь?

— Иван Иванович, — твердо сказал Свешников, — хоть она по слабости своей и неразумию в дурных делах запуталась, но я ее все же люблю, и мне никак не возможно спастись себя, когда ей грозит тяжелая участь.

Он покраснел, но не опустил глаза. Шувалов с любопытством посмотрел на него и подошел поближе. В таком качестве он Свешникова еще не видывал.

— Ну-ну-ну, не огорчайся, я ей тоже помогу уехать, подумаю — и помогу. Похвально, что ты сильно чувствуешь, иди сюда. — Он поцеловал Свешникова в лоб. — Я ведь к тебе привык, друг мой, мне жаль тебя отпускать.

Он засопел и, отвернувшись, прижал к глазам платочек, не оборачиваясь, сказал:

— Ступай, ступай, приготовься к отъезду.

И когда сконфуженный его поцелуем Свешников дошел до дверей, Шувалов снова окликнул его:

— Слушай, Иван Евстратыч, все бумаги, все написанное собери и, когда позову, сюда принеси. Здесь, у меня, они будут в сохранности.

2

— Я вам завидую, Прасковья Федоровна: вы поедете по Италии весной; это лучшее время для путешествия. Ах, как я хотел бы вам сопутствовать! И скоро ли вы отправитесь?

— Как только муж закончит свои дела, так и тронемся. Полагаю, через два-три дня, не

более. Люди и вещи мои уже приготовлены.

— Кстати, о людях: вы много прислуги берете?

— Много ли? Да вот: кучер, камердинер мужа и моя девушка — трое. А что?

— Я хотел вам присоветовать девушку: ловка, опрятна, шьет хорошо, послушна.

— О, чудесно! Моя-то сиволапа, ничего не умеет, я доверюсь вашему вкусу, Иван Иванович. Она ваша?

— Нет, мещанка. Я в ней принимаю участие.

— О-о, сударь, вот какой вы скромник! Но все равно вы очень любезны.

Милостивый государь мой, господин Шешковский!

Не посетуйте на меня за то, что человека, вами посланного в мой дом, задержал я для вручения ему сего письма. Приятным долгом своимчитаю сим письмом изъяснить вам обстоятельства, кои вас интересуют. Секретарь мой, Иван Евстратыч Свешников, состоит у меня на жаловании и через это свое состояние имеет обязанность мои приказы выполнять. В числе прочих бумаг, кои суть не что иное, как записи, под мою диктовку сделанные, или мною указанные копии, имелись и вирши, столь вас, милостивый государь, восхитившие, что почли вы возможным для них прервать свою деятельность государственную, которой я непритворный и горячий почитатель. Таковое рвение к российской словесности и неперемное ваше стремление имя стихотворца узнать заставляют меня сообщить вам, что вирши сии написаны покойным Михайлой Васильевичем Ломоносовым. А как имел я единый только список тех стихов, да и тот обветшал, то почел за благо распорядиться снять копии с оного. Секретарю же своему Ивану Свешникову строжайшие указания за то, что без господского дозволения с неизвестным человеком ушел, и впредь такие поступки запретил строго.

Что же до другой особы надлежит, кою ваш посланный, минуя меня, в моем же доме искал, то могу лишь то заметить, что особа сия, получив по просьбе своей окончательный от меня расчет, тому два дня из дому ушла. А как не в обычае моем входить в поступки чужих людей, то сообщить вам о ней более ничего не имею.

Впрочем пребываю готовый к услугам
Иван Шувалов

3

Топор ударил вкось по мокрой березовой чурке и отскочил. Петрунька радостно захохотал:

— А вот и отвык ты! А вот и разучился!

Почти год не был Иван дома; городское, «господское» платье вызывало у братьев восхищение; но вообще-то они испытывали по отношению к старшему брату чувство какого-то почтительного пренебрежения: дескать, хоть ты и городским сделался, а от настоящей работы, поди, совсем отошел. И вот теперь, когда он вызвался наколоть дров, они с интересом глазели на него и возбужденно обсуждали каждое его движение.

Три дня прожил Свешников спокойно: беседовал с мужиками, работал кое-что по дому; увязая сапогами в рыжем весеннем снегу, ходил на опушку леса, вспоминал Хвильянского. Исчез тот, как в воду канул: пришел как-то под вечер, сунул Ване в карман «Смеющегося Демокрита», поцеловал и ушел. Потом, стороной, Ваня узнал, что Григорий Афанасьевич порутался с бариним Шестоперовым. Годом городского жилья были отделены от